

В. Любанов

1. Б а н я

2. Ф и ш т

БАНЯ

В нашей прошлой (до эмиграции) жизни, которую теперь зовут "совковой", в ходу было словечко "достать". Потомок не полезет в толковый словарь, встретив его в тексте. Смысл этого слова будет ему вполне очевиден: потянуться и взять нечто, что не под рукой, что повыше или подальше, что высокий сделать может, а низенький - нет. Жаль! Кто донесет до потомка всю широту, я бы сказал, необъятность этого понятия "достать", впитавшего самую суть повседневного людского бытия той эпохи? Все, кроме стихов и песен, все, что можно потрогать руками, без чего здесь обойтись нельзя, а там было, хоть с трудом, но можно, попадало под понятие "достать". Пожалуй, правильнее сказать, что сфера материальных потребностей человека была рассечена на два неравных сектора: "купить" и "достать". Питание, одежда, мебель, жилье - тысячи и тысячи нужных для жизни предметов находились в одном из этих секторов и надо было знать - в каком именно. Например, обувь - ее, безусловно, можно было купить. Но если нужна была хорошая импортная обувь, ее можно было только достать. Нет, рост тут не причем, тут и карапуз мог обойти рослого, если карапуз был со связями. Даже если "саламандру" из сектора "достать" выбрасывали в сектор "купить", то все равно, отстояв очередь в полный рабочий день, уже не поворачивался язык сказать, что купил, а горделиво скажешь: "достал".

Но, что интересно в той эпохе - предметы непредсказуемо дрейфовали из одной полусферы в другую. Очевидцы еще помнят, как самые простые и самые необходимые предметы нежданно-негаданно исчезали из зоны "купить", чтобы чуть спустя всплыть в пространстве "достать". Хлеб, соль, сахар, спички, носки, мужские трусы, бумага для машино- и немашинописи, авторучки, точнее - стержни для них, горчичники, пардон, резиноизделия для семейной и внесемейной жизни ... Позвольте оборвать почти бесконечный перечень предметов, циклически дрейфовавших из "купить" в "достать" и обратно и перейти к предмету, объявленному в заголовке.

В России, точнее в Сибири, у меня была дача. Я купил ее по дешевке и потому без бани. Кто имел дачу, тот понимает, что дача без бани - это не просто кусок хлеба без масла, это левый ботинок без правого, это Крымский пляж без Черного моря, это... Ладно, тому, кто дачи не имел, объясню в двух словах.

Представь себе, что в пузатой от набитости народом электричке, из полутора часов езды около часа ты простоял на одной ноге. Вылезши из нее, не снимая рюкзака, "уперся лбом" в крутой метров в 500 склон и сгоряча взял его. Переведя дух, наскоро перекусив, перелопатил одну-две сотки под картошку. Или полил огород, принес из нижнего колодца 20-30 ведер воды по 12 литров каждое. Или сбегал в дальний лог за два-три километра, собрал там и принес на коромысле два пудовых ведра коровьих лепешек. Если сумеешь реально себе это представить, то поверишь, что к концу дня не только рубашка и штаны, но и воздух вокруг тебя стал соленым. А потому баня на даче - не роскошь, а жизненно необходимая вещь.

Покупая дачу я думал, что баню заведу как-нибудь потом, когда соберу нужную сумму. Как сказано в предисловии, было лишь два пути решения вопроса: купить или достать. Купить баню означало найти шабашников, причем таких, которые после пропития аванса, были бы в состоянии не только поднять топор, но и сложить им баню. Достать - означало, используя - где связи, где - "смазку", достать материал (бетон для фундамента, бревна, доски) и построить из него баню самостоятельно. Оба варианта были сопряжены с затратами. Эх... откуда у инженера такие деньги? Но мечта жила и зрела где-то в глубинах моего подсознания.

И век бы ей там зреть, если бы не Сережа. Сережа - мой племянник, только что вернувшийся тогда из армии. Молодая энергия, не скованная более армейским уставом, требовала выхода. Сергей был готов окунуться в активную деятельность, но не было подходящего поприща. Имея свободное время, Сережа часто приезжал к нам на дачу и охотно помогал в трудах. Однако копать или поливать грядки, ходить в лес за хворостом - разве это дело для двух здоровых мужиков?

Однажды, племянник сказал: "Дядя Валера, давайте построим Вам баню". Идея у него возникла не на пустом месте. Дело было так: как-то раз у меня на работе коллега Тюрин рассказал, что видал на Верхней Колонии "ничейный" двухэтажный барак, который разбирают на дрова все, кому не лень. Особо важным обстоятельством, было то, что бревна, из которых барак был построен, прекрасно сохранились и могли стать великолепным материалом для бани. Я рассказал это Сереже как-то между прочим, вовсе не строя планов. Сергей же, будучи практичнее меня, сразу смекнул, что случай редкий, и если история про барак правдива, то у нас есть шанс. В ответ я усомнился: "Сережа, разговор на работе был недели две назад, с тех пор барак наверняка успели растащить до последнего бревнышка". "А вдруг нет, давайте проверим - не унимался племянник - у Вас больше не будет такого случая".

На следующий день мы сели на велосипеды, поехали на Верхнюю Колонию на разведку. Верхняя Колония - это поселок строителей времен 1-й сталинской пятилетки и вполне настала пора его сносить. Объект мы нашли быстро и убедились, что рассказчик не соврал - длинный двухэтажный барак стоял уже без крыши, а с одного конца - уже и без второго этажа. Сразу же стало ясно почему до сих пор барак не растащили по бревнышку. Это был крепкий орешек. Чтобы взять эти толстенные бревна, надо было их сначала "выковырнуть" из стен, что было совсем не просто, т.к. все они были в замках, в связках в шип, в штукатурке. Затем их надо было сбросить со второго этажа, распилить до "подъемного" размера, поскольку иные весили килограмм по сто, а уж потом грузить на машину. Барак был построен как жилье для строителей Кузнецкого металлургического комбината. В те времена строили "на совесть", а потому и развалить его было не просто.

Прибыв на место мы, не спеша прошли мимо дома туда и назад не останавливаясь, чтобы, на всякий случай, не привлечь чье-нибудь внимание. На втором этаже маячили две-три фигуры, они как-то лениво шевелились, постукивая топорами. В разговор мы вступать не стали, ибо в лучшем случае это были наши конкуренты. У нас не было никакой информации относительно барака: нужен ли он кому, купил ли кто-то эти бревна. Конечно можно было обратиться в горисполком с запросом, но было ясно и так, что если там о бараке знают, то не

скажут - "берите". Дачи были почти у всех и никто не отказался бы от такого классного материала. Мы подошли к вопросу проще: если это уже чья-то собственность, то нас тут же остановят. Ничего не поделаешь - уйдем, не солоно хлебавши, риск неизбежен. Но может быть добро это пока еще ничье, по той причине, что добыть бревна стоит трудов немалых. Кому охота надсаживать пуп?

Я взял тогда на работе неделю в счет отпуска и, вооружившись топором, двуручной пилой и монтеровками, с понедельника мы начали трудиться. Чтобы не мозолить лишней раз глаза проходим, решили разбирать заднюю и внутренние стенки барака, будучи прикрытые передней. С задней стороны на землю была сброшена крыша, ее части валялись в виде гор искореженного железа вперемешку с бревнами и торчащими во все стороны балками, ошестинившимися ржавыми гвоздями. Это был как бы пояс обороны от желающих испытать судьбу. Но для нас это не составило преграду: Сергею - вчерашнему солдату - взятие рубежей было делом привычным, а мне в горах приходилось и отвесные маршруты преодолевать.

Начали стучать, разбирать стенки и сбрасывать бревна. Сначала старались по возможности меньше шуметь, но постепенно забыли о какой-либо маскировке. Да и можно ли было "потихонку" ронять со второго этажа на лежащее внизу листовое железо стокиллограммовые бревна? Но никто не пришел, не остановил нас, не вызвал милицию, из чего мы заключили, что это добро действительно пока еще "ничейное".

В те времена все большое было казенным: дома, слоны, заводы и пароходы. Официально казенное добро стерегла государственная служба - ОБХСС. Фактически же "совковая" жизнь научила: казенное добро принадлежит тому, кто его сторожит. А если никто не сторожит, как этот барак, значит добро "ничейное".

Проработали до темна и разъехались по домам "вздремнуть". Спозаранку работа закипела вновь. К обеду вдруг стал накрапывать дождик. Весь хлам в доме и вокруг него был обильно напудрен штукатуркой. Морозящий дождик сделал из этой пудры субстрат, по консистенции близкий к солидолу.

Вот живем мы и не ценим, или хуже того - ругаем этот великий дар природы -тренине. Корове на льду еще хорошо - она на горизонтальной плоскости и груза у нее, считай, никакого, разве что вымя. Нам же приходилось перетаскивать мокрые бревна, скользя по горбам смазанного известью железа, мимо бритво-лезвенных его краев, через ржаво-гвоздо-ежи поломанных балок и стропил. Нет, не уронили мы ни бревна ни на одну из четырех рабочих ног, не вспороли ни мою, ни его брюшную полость. Лишь однажды я проколол стопу, наступив кедом на торчащий гвоздь.

Длину рабочего дня нам определяло Светило и лишь проливной дождь давал передых. Мы спешили, чувствуя интуитивно, что операция может сорваться в любой момент по неожиданной причине. Гадать было некогда, надо было работать. Ясно было одно - шансы на успех были тем больше, чем быстрее мы унесем с этого места ноги, с бревнами конечно. К концу третьего дня работы с трудом шевеля членами, языком, да и мозгами тоже, мы порешили - баста! Наковыряли материала - уже хватит на баню с избытком. Бревна были рассортированы по длине, промаркированы, уложены в штабеля позади барака. Поверх бревен накидали травы так, чтобы не бросалось в глаза с улицы. Надо сказать, что там уже было несколько штабелей из коротких бревешек, уложенных

до нас. Познав на практике: каков он этот труд, мы и не покушались трогать чужое. Но и за свое, обильно политое потом, мы готовы были показать оскал.

Итак, по всему раскладу выходило, что следующий день - день отдыха. Ну конечно не дома, не на диване. С утра в четверг Сережа расположился на наших бревнах - сторожить. А я отправился на ближайшую автобазу добывать машину. Сначала надо было найти согласного шофера, а потом "выписать" машину в бухгалтерии. Возле раскомандировки на перекуре я быстро "словил шефа". Для начала сунул ему бутылку, пообещав вторую и деньги по завершении рейса. Далее следовала бумажная часть процедуры: надо было подписать бумаги на заказ машины у двух-трех лиц, находящихся в разных углах автобазы. Я было по привычке рванул полубегом, но шеф меня строго окликнул и приказал: "садись в кабину!" Как я потом осознал кодекс водительской чести: ходить по автобазе пешком означало крайнюю степень падения человеческого достоинства. И шеф, зауважав меня за полученный аванс, не дал моей чести упасть.

Взревев медведем и выпустив облако голубого дыма, наш мощный МАЗ стал выписывать кренделя по площадке автобазы, лавируя между ему подобными КРАЗами и КАМАЗами. Дышите глубже: десятитонный монстр, джигитую, вез бумажку на подпись. С полчаса мы рулили в поисках старшего. Поймали, получили подпись. Осталась бухгалтерия. Опять сели в МАЗ и быстро преодолели последний перегон ... шагов в 35. Оформив бумаги, договорились на завтра на 10 утра.

Выйдя из автобазы, я поспешил на Объект к Сереже, окрыленный тем, что все довольно гладко идет по плану. Еще бы - пару недель назад я и мечтать не мог о собственной бане. А теперь, почти даром (не считая трех дней каторжного труда) у меня будет первоклассный материал. А там уж как-нибудь вдвоем сложим из него баньку. Молодец Сережа - блестящ его план! Только бы завтра не сорвалось!!!

Пятница, прекрасное солнечное утро, тишина. Тишина - да, но никак не спокойствие: идет завершающая ключевая фаза операции. Мы сидим на бревнах в нервном возбуждении ожидая машину, готовые к финишному броску. Только бы не сорвалось!!! Точно в 10-ноль прикатил наш МАЗ. Как ошалелые мы принялись вытаскивать из маскировки бревно и закидывать в кузов. Вот уже уложен первый ряд из самых длинных, метра по 4, тяжелых бревен. Начали бросать средние. Истекло минут 40 жаркой работы, бревна в машине, мы в мыле. Оставалось забросить несколько коротышей, когда шофер завел двигатель.

Как гром среди ясного неба прозвучал ..., нет не рев нашего МАЗа, - прозвучали хлопки невесть откуда появившегося мотоцикла с коляской. Мотоциклист круто осадил своего "коня" и стал, махая какой-то бумагой, орать, перекрывая шум моторов. Изрыгаемые слова, если какие и можно было разобрать, были из абсолютно непечатного лексикона. Да и что там было разбирать, все было и так ясно. В коляске сидел еще один мужик - свидетель. Он молча демонстративно списывал с борта нашего МАЗа номер и название автобазы. Оба были в шлемах и в очках - видимо для того, чтобы нельзя было потом опознать. Из этого следовало, что нас они тоже опасались. И не только нас, иначе появились бы с милицией.

Когда мотоциклист, спев свою арию до конца, газанул и укатил, на авансцену выступил наш водитель. И хотя он понятия не имел, чьи и для чего

предназначены эти бревна, расклад дела для него стал вмиг очевиден: ему вовсе не светило лишиться прав. Он не был так многословен, как предыдущий актер, но был не менее решителен, рывкнув: "А ну выгружайсь наферр!" Что нам оставалось делать? Проглотив горькую пилюлю и едва переведя дыханье после лихорадочной погрузки мы принялись стаскивать бревна из кузова на землю. Через четверть часа все было кончено. На прощанье нас, сидящих на беспорядочно разбросанных бревнах, злополучный МАЗ обдал синим газом и исчез. Было примерно 11 часов и еще не закончилось прекрасное летнее утро. Опять воцарилась тишина. На этот раз полная трагизма.

На душе было так скверно ..., нет, не то слово... На душе было так мерзопакостно, что не хотелось и говорить! Если что и хотелось, так это волком выть на луну, но луны не было, был солнечный день. Мы как побитые собаки поплелись в кусты и с полчаса жевали бутерброды, запивая чаем из термоса, не проронив ни единого слова. Острая стадия стресса постепенно сменилась глубокой депрессией. Взглянув на Сережу я убедился, что и он пребывает в неменьшем расстройстве, чем я. Будучи старшим, я постарался сохранить хоть какое-то присутствие духа. Но что я мог сказать Сергею? Ну, хоть не в оправдание, хотя бы в утешение. Нас "обули" как последних дураков, разыграли как по нотам. Даром пропало три дня рискованного тяжелого труда. И ладно бы - коню под хвост, так нет же - все достанется хитрожопому мотоциклисту, покрывшему нас громовым трехэтажным матом. Не иначе, как негодяй уже и машину заказал на завтра, чтоб увести материал, наработанный нами. Выследить бы ловкача и вломить как следует, но мы и лица его не видели и номер мотоцикла не записали. До того ли было.

Как-то, мне попала книжка про карму и прочую эзотерику. Мне вдруг вспомнилась эта книжка и я подумал, что сегодня мы "отмотали" солидный кусок кармы, "намотанной" ранее, быть может, в наших прежних жизнях. Все равно рано или поздно пришлось бы ее "отматывать". Раз так, то нечего убиваться. Кроме того, с эзотерической точки зрения, жизненный урок еще не закончился и там, наверху "магнитофон" ведет запись того, как мы отнесемся к удару судьбы, что извлечем из урока. Эти мысли более или менее помогли мне по философски взглянуть на себя со стороны, и обида уже не так жгла сердце. Но было бы полным идиотизмом в такой момент закатывать Сереже эзотерическую лекцию. И я начал с простой, житейски понятной, ноты: "Сережа, ты и сам знаешь, что жизнь состоит не только из побед. Когда победил - нет проблем. Но надо уметь принимать и поражения. Принимать, не теряя лица и присутствия духа. Мы с тобой все правильно делали, исходя из той информации, которую имели. Но наша игра была игрой без козырей, все козыри оказались на руках у противника. Он контролировал каждый наш шаг, а мы о его существовании могли лишь предполагать. При таком раскладе мы не могли избежать провала, и теперь этого не исправишь. Единственно, что нам с тобой остается сделать - забыть эту историю, как дурной сон."

Мой монолог не возымел какого-либо действия на Сергея, отрикошетив от его озабоченного мозга. Я поднял на него глаза, но на его челе прочел уже не тоску, что была полчаса назад, а лихорадочный поиск выхода из тупика. Видно было, что смириться с полным крахом нашей операции он не в силах.

"Дядя Валера, подумайте, Вы только представьте, сколько лет Вам придется жить на даче без бани, пока Вы соберете такую сумму, чтобы купить готовую баню или хотя бы материал, чтобы ее построить. Давайте сегодня же ночью перепрячем наши бревна в другое место, а после выходных достанем машину опять".

Но я не внял Серезиной речи, я настроился побыстрее выкинуть из головы эту историю, ибо по эзотерической концепции выходило, что бревна эти "не про нас" - надо же понимать намеки, которые нам делают свыше. Вздохнув, я сказал Сергею: "Нет, то, что ты предлагаешь, - нереально". И мы разъехались по домам.

Дома, оставшись один (жена была на даче), я приготовил ужин, выпил полстакана сухого вина. Стресс как-то постепенно ушел на задний план, но с переднего все-никак не сходило Серезино лицо с глубокой тоской, которую я прочел в его глазах перед тем, как мы разъехались по домам. Что же получается - рассуждал я, - племянник так расстроен и не из-за своей - из-за моей бани, а мне уже на все наплевать. Он снова загорелся и полон решимости на новый подвиг, а я веду себя как последний ...огнетушитель!

Продолжая рассуждать, мне вдруг открылся совершенно иной ракурс на случившееся - на его чисто психологический аспект. Чем ниже мы пали духовно, сраженные неудачей, тем выше вознесся противник в своем торжестве над нами. Наверняка в эти минуты мотомерзавец празднует победу и с упоением рассказывает в своем кругу как умно он все подстроил: бесплатно запряг двух рабов на три дня суровой "пахоты". Нетрудно представить какое море удовольствия он получал все эти три дня, наблюдая, как по щучьему велению сама собою делалась работа, к которой он и не знал как подступиться. Теперь пожалуй, я даже знаю откуда он шпионил за нами - наверняка из проходной будки, рядом с воротами склада, что был через дорогу от нашего барака. Опять-таки только теперь стало ясно: почему в первый же день к нам никто не подошел, не спросил есть ли у нас право на труд в этом месте, почему те люди, что работали до нас, исчезли с нашим приходом. Теперь все, все стало прозрачным!

Как-то, еще в студенческие годы, я записался в секцию вольной борьбы. Занимался я не долго, но запомнил один из важных борцовских принципов. Если противник пытается свалить тебя с ног, например, в левую сторону, не упираться, не противодействуй, а помоги ему в этом стремлении - добавь крутящего момента в ту же левую сторону. Вы оба упадете на мат и ты будешь внизу, как он того и хотел. Но лишь на долю секунды! Далее неумолимо сработает физический закон - вращение по инерции: и в следующий миг на верху окажешься ты.

У меня хорошо развито чувство ассоциаций и я подумал, что тот борцовский принцип вполне вписывается в нашу с Серезей ситуацию. Действительно, мы делали то, что нужно было противнику. Мы думали, что выполняем свой собственный, прямой как рельс, план. Это был, как бы, одноярусный план. Фактически же выполнялся двухярусный план противника: на первом работали мы, на втором коварный противник, следя за нами, выбирал наилучший момент для сокрушительного удара. А почему бы нам не замыслить план трехярусный? На ярусе первом мы по-лошадиному пашем. На втором нас "обувает" противник. Ну и пусть обувает - это входит в наш план. На этом противник считает операцию законченной. Торжествуя успех своего плана, он неизбежно расслабится, полагая, что имеет дело с ЛОХАМИ. И вот тут-то и

вступает в действие третий ярус нашего плана: незамедлительно после поражения мы увозим бревна на другой машине в никому неизвестном направлении. Противник, придя наутро на место своей полной победы, бревен там не обнаруживает. А обнаруживает, что ЛОХОМ оказался сам.

Да, пожалуй такой подход меняет дело. Я снял трубку: "Сережа, ты уже поужинал? Тогда седлай Харитона (Харитон - наш старинный со школьных времен семейный велик) - выходим в ночную смену."

В кромешной тьме мы катили по Верхней Колонии к нашему Объекту. Приблизившись, решили спешиться и подошли как можно тише. На столбе у ворот склада и проходной (той самой, откуда велся за нами шпионаж) горела одинокая, но достаточно яркая лампочка. Под ногой скрипнул гравий и мгновенно поднялся собачий вой. Ага! Мы поняли - на складе ночной сторож. Если появимся сейчас у барака со стороны улицы, то максимум через 10 минут здесь будет милиция. Решили зайти на Объект с тыла, и начать работу под прикрытием барака. За баракком был небольшой двор-косогор, далее - кусты и роща, через которую шла пустынная гравийная дорога. С этой дороги мы и стали пробираться к бараку со стороны двора, где лежали наши и чужие бревна.

Солдатская смекалка и опыт армейского разведчика делали Сергея незаменимым партнером в этом ночном деле. Кроме двух фонарей он догадался прихватить 4 старых женских капроновых чулка. Чулки мы набили сухой травой и натянули поверх кедров. Кое-где на четвереньках, а где-то ползком мы сквозь густые кусты добрались до бревен. Ступая мягко, по-кошачьи мы подняли и понесли первое небольшое бревешко. Где на руках, где - юзом протолкнули его сквозь кусты на заднюю дорогу. И процесс пошел ... Движение происходило буквально наощупь, фонарики включали только в случае крайней необходимости, причем так, чтобы зайчик не превышал ладони. Штука за штукой сначала коротыши, а потом, когда приловчились, и средней длины бревна были вовлечены в процесс. Вот уже новый штабель вырос на обочине задней дороги. После часа этой партизанской работы захотелось передохнуть. Но мы позволили себе остановиться минут на 10 не более, чтобы сжевать по бутерброду. Надо было помнить, сколь коротка летняя ночь и лишь она наша единственная союзница. После очередного цикла, мы, чтобы не терять времени, в качестве отдыха пошли належке вверх по дороге поискать место предстоящего "захоронения" груза. Метров через 500 за изгибом дороги нашли подходящее место в кустах в глубине леса. Еще через час штабель перекочевал в намеченную секретную точку. Затем заработала челночная технология: один тягал бревно на дорогу, другой - по дороге доставлял его в укрытие. Коротыши я носил на плече, а средние бревна клал на руль Харитона и придерживая катил вверх по пустынной дороге. Дело пошло в хорошем темпе, мы втянулись в работу, пропотели, появилось второе дыхание. Но оставалась нерешенной главная проблема - большие бревна, предназначенные составить основу бани. Эти бревна в полном беспорядке валялись там, где мы их утром сбросили с грузовика. Хуже всего было то, что это место оказалось в секторе, освещенном проклятой лампочкой. Грохнуть бы подлюю, но собака поднимет такое ... Оперативный полувоенный совет принял решение начать ключевую часть операции в 2 ночи. Расчет был на то, что и сторож и его псина будут смотреть как минимум 3-й сон.

И вот, посветив фонариком на часы, я скомандывал: "Пора!" Бесшумно крадучись в мягких онучах, затаив дыхание и участив пульс, мы вошли в освещенный сектор. Проклятая лампочка, казалось, светила как авиационный прожектор. Сгибаясь и прячась в тени разбросанных бревен, взяли за концы первого "слона" и... ооп! Стараясь не кричать, оторвали его от земли и поперли, поперли... Занесли за барак, подняли на косогор и далее сквозь кусты на заднюю дорогу по "накатанному" маршруту. Но там, где сквозь кусты малые и средние бревна кое-как проходили, крупный калибр почти наглухо застревал. Привязали веревку, перли юзом. Переправив на заднюю дорогу этим путем два больших бревна, нам стало очевидно, что если и хватит наших сил для оставшихся десяти-одиннадцати, то уж темного времени нам не хватит точно.

Шел четвертый час ночи, а основная работа была еще впереди. Ситуация становилась критической. Ситуация толкала на крайний риск. И мы пошли ва-банк! Как в психической атаке, в полный рост, под барабанную дробь сердца, вместе с Харитоном мы вступили в освещенный сектор. Две гигантские тени, переломившись через разбросанные бревна, зловеще легли на косогор. Представить страшно, что тут было бы - приоткройся хотя бы один глаз у сторожа или шевельнись ухо у пса.

Выждав 10 секунд гробовой тишины, мы начали действовать. "Раз-два взяли!" - прозвучала команда, но прозвучала бесшумно, в возбужденном мозгу каждого из нас. Бревно килограмм под 80 легло одним концом на руль Харитона. Еще рывок и задний конец лег на седло. Мать-твою-перемать!!! Все так же бесшумно раздалось в головах. Чуть-чуть не рассчитали: за седлом оказался слишком длинный конец, и Харитон мгновенно взвился на дыбы. Спасибо, хоть не заржал. Натужно впились в бревно 20 побелевших пальцев, но упасть на землю не дали. Гиганта сдвинули ближе к рулю. "Баланс!", "Есть баланс!", "От винта!" - медным колоколом, но все так же бесшумно звучали команды в наших мозгах. Массивный транспорт начал медленное, но верное движение в сторону темноты. На наших ногах были бесшумные онучи, но Харитон был "босиком". Вот от его колеса отскочил камушек, и чуть не оборвались два сердца. Но наконец-таки мы в спасительной темноте, вот он - поворот на заднюю дорогу. Сбросить что-ли груз здесь, чтобы быстрее вывести из под света остальное? Но слишком дорого дается заброска на Харитона каждого бревна, поэтому "без пересадки" все 500 м в гору катим до конечной станции. Обрато - полубегом, время поджимает. Технологию быстро освоили: все ловчее забрасывалось очередное бревно на Харитона, все бесшумнее исчезали мы из освещенной зоны. В пятом часу начало потихоньку светать. Пора бы передохнуть, но об этом не может быть и речи - уже ясно, что в график мы не укладываемся. Не отдыхать, а поднимать обороты надо. Делать нечего - высунув языки поднимаем обороты. Только б затемно успеть убрать из опасной зоны крупняк, перебросить хотя бы на заднюю дорогу. Как зомбики в полном молчании продолжаем циклические рейсы. Алеет восток, неумолимо надвигается рассвет.

К восходу стало ясно, что всего того, что было приготовлено за три дня согласно нашему проекту бани, нам не взять. Пару больших бревен еще оставались в опасной зоне. Но баста! На свету пусть Сталкер туда ходит. Слишком много труда поставлено на карту, чтоб продолжать риск, когда в любую минуту может

проснуться сторож или появиться прохожий с удочками. Мы решили опять переключиться на средний и мелкий калибр бревен, прикрытых бараком со стороны улицы. И переключились... пока совсем не отключились.

Часов около семи работа остановилась сама собой - энергоресурс обоих организмов был вычерпан до последнего джоуля. Пошатываясь мы сошли с задней дороги и рухнули под куст, где были спрятаны велосипеды. Сильно хотелось есть, но спать - смертельно! Ведь в ночную смену мы вышли даже не вздремнув после дневной. Пока были на ногах, еще могли что-то соображать и как-то двигаться. Но лишь опустились на траву - не стало сил, чтоб и пальцем шевельнуть. Гигантским усилием воли я потянулся к велосипеду, подтащил к себе сумку и извлек из нее последний бутерброд. Разломил его надвое и повернулся к Сергею. Но поздно: солдат был сражен наповал. В неудобной позе, подломив руку он был в полном "отрубе".

Минут 30 сна позволили нам восстановиться настолько, что мы сумели влезть на велосипеды и под горку докатить до открывшейся в 7 утра заводской столовки. Там мы и пришли более или менее в себя. А когда пришли в себя я сказал: "Слышь, Серега, бревна-то, однако, волшебные: баню еще не сложили, а уже попарились".

Чем же кончилось дело? Неужели хэппи-энд? И да, и нет. План сработал без осечки, и бревна оказались на даче. Как-то сосед спросил:

- Откуда "бревны"?
- Достал.

Как зрелый человек, сосед понял, что дальнейшие распросы неуместны. Однако закончить строительство мне не пришлось - почти неожиданно я уехал в Америку. Бревна же, сложенные в виде недостроенного сруба, еще долго служили памятником той вдохновенной штурмовой ночи... пока их не растащили соседи. А теперь, думаю, что любой из них, когда спрашивают про бревна, отвечает:

- Достал.

Чикаго, Апрель 2002 г.

В начало

Ф и ш т

*Среди нехоженных путей один - пусть мой.
Среди невзятых рубежей один - за мной!
А имена тех кто здесь лег, снега таят.
Среди непройденных дорог одна - моя!
Владимир Высоцкий*

Когда я впервые услышал эту песню, я был просто сражен: она (вся, а не только приведенный эпиграф) настолько выразительно передавала мое настроение, атмосферу и даже некоторые детали события, происшедшего со мной летом 1982

года, что можно было подумать, что Владимир Семенович, прежде чем ее написать, взял у меня интервью. Событие это начиналось так.

Я купил путевку на общесоюзный туристический маршрут номер 30, весьма популярный среди горбатой рюкзаками публики. Продолжительность путевки составляла 21 день, из них 2 недели - поход по горам Западного Кавказа, а "на десерт" - неделя на берегу Черного моря в курортном поселке Дагомыс, входящем в район Большого Сочи. Горный поход предусматривал выход из турбазы на северном склоне Кавказского хребта, подъем на перевал и спуск по южному склону к морю. К несчастью, накануне того сезона, на который я взял путевку, произошел обвал на одном из участков маршрута и тропы не стало. Если бы речь шла об опытных горных туристах, то проблемы не было бы - они бы пробились и без тропы. Но по путевкам приезжали хоть и здоровые, но неподготовленные люди. Поэтому в Совете по туризму решили не рисковать и южную часть маршрута исключить, т.е. к морю не спускаться, а дойти до перевала, сделать петлю и вернуться опять на турбазу. После чего планировалось отправить туристов в Дагомыс поездом.

Турбаза Горная - наш исходный пункт - была расположена в поселке Каменноостровский недалеко от города Майкопа в Краснодарском крае. Рядом с турбазой протекала река Белая - приток Кубани. В этом месте река прорезала в скале очень узкий, метров 10 -15 глубины, каньон. Стенки каньона были не ровными, но гладкими и практически везде отвесными. Дух захватывает, когда заглядываешь в этот "колодец". Разве мог Homo sapiens оставить это чудо природы без использования? Применение ему люди нашли еще в Гражданскую войну: на скале белые учиняли допрос пленным красным, а потом, не тратя зря порошу, сталкивали их в каньон. Времена, когда нам поведали эту историю, были еще советскими. Не исключено, что теперешним туристам ее рассказывают наоборот - красные сталкивали белых, смотря по тому, какая теперь в Адыгее власть. А скорее всего правдивы обе версии.

Перед тем как выйти в поход, нам предстояло провести на турбазе три-четыре дня: организовать в группы, получить рюкзаки, штормовки, провиант, прослушать инструктаж, лекции, совершить тренировочный поход в окрестностях турбазы. Времени было достаточно и в жару мы ходили загорать на ту самую скалу. Местные ребята лет по 10-12 были прекрасно осведомлены, когда на турбазе новый заезд и были к нему готовы. Они ожидали свежих людей сидя, подобно предкам, на деревьях, что росли на другом берегу скалы. Одна из ветвей протянулась прямо над каньоном, и, когда мы первый раз туда пришли, на этой ветке уже сидел юный "камикадзе". Он встретил нас словами: "Дядь, дай три рубля - прыгну". Никто не дал. Кто же хотел стать виновником гибели ребенка? Парнишка долго крепился, но жажда славы превозмогла меркантильные грезы, и он отпустил ветку. Из глубины колодца донесся "бомбовый" удар тела о воду, и через пару секунд герой цел-невредим вылезал из воды на уступы скал. А на ветке стартовую позицию уже занял очередник. "Дядь, дай три рубля - прыгну" - опять прозвучало с ветви, и опять никто не дал. Этот крепился еще дольше, все не хотел уступать, как первый. Когда народ назагоравшись стал расходиться, парнишка почти безнадежно пропел: "Дядь, ну дай рупь!". И, не дождавшись ответа, камнем полетел вниз.

На другой день я опять загорал на скале, но из туристов мало кто пришел. Ребятишки и подростки постарше, убедившись, что этот заезд жмотский, немного поклянчив, стали прыгать так - в свое удовольствие, для самоутверждения друг перед другом. Они прыгали в разных местах, видимо, хорошо зная, где была достаточная глубина. Потом почти все со скалы разошлись. Я уже поднялся, готовый уйти, когда услышал снизу очередной "бултых". Мне показалось странным, что после прыжка не последовало, как обычно, всплеска вылезавшего из воды человека. Я заглянул в каньон, но ничего внизу разглядеть не смог. Пару минут спустя я увидел прыгуна уже далеко ниже по течению, там, где скала закончилась и поток реки резко расширился, но все равно течение оставалось быстрым. Над водой виднелась голова парня, значит он был жив. "Странно, почему он не пытается плыть к берегу?" - подумал я. Его несло по течению, просто как полено. И я понял, что он плыть не в состоянии, наверное разбился о воду или о скалу под водой. На скале уже никого не осталось - некого было позвать на помощь. Оставалось только надеяться, что парень придет в себя в воде или его заметят с берега. Так я и не знаю, остался ли он жив.

Еще в первый день пребывания на турбазе я зашел в туркабинет познакомиться с наглядными материалами о предстоящем походе. Я оказался там один и неспеша разглядывал схемы маршрутов, топографические макеты, исторические и прочие материалы. На стенах висели огромные черно-белые фото горных пейзажей прилегающего района Кавказа. Все снимки были великолепны, но один из них сразу запал мне в сердце. Огромный скальный бастион, припудренный в верхней части снежком и увенчанный остроконечной белоснежной вершиной. На темном фоне неба был хорошо различим "снежный флаг разлук" (помните Домбайский вальс?) - шлейф снега, сдуваемый с вершины сильным ветром. На снимке был Фишт - самая западная из снежных вершин Большого Кавказского хребта. Ее можно найти даже на довольно крупных картах России и рядом обычно стоит топографическая отметка - 2867 м над уровнем моря.

Глядя на это фото, я испытал острое чувство ностальгии по тем временам, когда, будучи старшеклассником, а потом студентом, каждый год ездил в горы. Алтай вблизи Телецкого озера, Тянь-Шань в районе городов Алма-Ата, Фрунзе и Душанбе - там я состоялся, сначала как горный турист, а затем как альпинист. Еще на первом курсе Новосибирского университета я так страстно увлекся альпинизмом, что меня выбрали в бюро секции, чем я очень гордился. С горами у меня было связано много мыслей, чувств и событий, в том числе и трагических. К сожалению, после окончания университета и с началом семейной жизни моя альпинистская карьера оборвалась. Я долго не терял надежды ее продолжить, но обстоятельства так и не позволили.

Прошло почти 10 лет с тех пор, как я последний раз был в горах. Взяв путевку на 30-й туристический маршрут, я понимал, что в горы я не попаду, а лишь понюхаю горный воздух и полюбуюсь на снежные пики издали. Ничего не поделаешь: с альпинизмом связь была потеряна. И вот, читая в туркабинете описание маршрута, я вдруг выяснил, что мы направляемся как раз в район Фишта и у подножия этого красавца проведем двое суток. Идея тут же воспламенила доминанту в моем мозгу.

Инструктором в нашу группу была назначена студентка Краснодарского пединститута - Наталья. Несмотря на молодость, она держалась очень солидно, но без спеси. Улучив удобный момент, я затеял с ней разговор. "Наташа, я имею разряд по альпинизму. Давайте возьмем еще пару сильных ребят и во время стоянки под Фиштом, сходим на вершину. Я гарантирую безопасность, у меня опыт - более дюжины восхождений на гораздо более сложные вершины на Тянь-Шане, причем, на некоторых я был руководителем". Ответ был вежлив, но категоричен: "Ни в коем случае!" Позднее я попытался еще раз "подъехать" к Наталье со своей идеей, но она стояла на той же позиции, как скала. Более того, во время бесед с группой она, как бы между прочим, рассказала, что в предыдущую смену один турист отбил от группы и его пришлось снимать со скалы. В отличие от случая с отцом Федором, на этот раз вызывали не пожарную машину, а вертолет. Теперь у этого туриста целый год будут вычитать из зарплаты деньги на оплату вертолетного времени. Ясно, что байка была нацелена прежде всего на меня, но попутно в сознание остальных в группе вбивалось табу: "В горах без инструктора ни шагу!" Безусловно, это строгое правило не было для меня новым, в альпинизме оно действует еще строже: за хождение "в самоволку" там наказывают полной дисквалификацией, а при повторении - отлучением от школы мужества. "Альпинизм - школа мужества", - такой девиз стоял на наших путевках. Любопытно, что жизнь внесла в этот девиз дополнение - к последнему слову добавлялась приставка "за" для прекрасной половины альпинистского племени.

Наконец, собраны рюкзаки и дан старт. Нас посадили в грузовик и повезли вверх по долине реки Белой. Через час езды в поселке Хамышки нас выгрузили, и далее выючная колонна из примерно двух десятков двуногих ишаков двинулась вверх по тропе. "Лиха беда начало!" - это потому, что целиком весь запас двухнедельного питания еще не тронут и прямо-таки "обламывает" плечи. Остановились на первый привал и рухнули наземь, не снимая рюкзаков: выползти из лямок легче, когда рюкзак на земле. Спрашиваю взмокшего соседа (по всем признакам - новичка в турпоходе): "Ну, как, тяжело? Давай-ка мне палатку". Гордый парень палатку не отдал, лишь угрюмо промычал что-то в ответ. "А знаешь, чем отличается горный турист от ишака?" - продолжил я - "ходит выше, носит больше и не орет". Даже тень улыбки не коснулась смурного лица.

К концу дня мы дотопали до адыгейского селения Гузерипль, где была небольшая турбаза со стационарными палатками и очень кстати, т.к. из-за проливного дождя пришлось просидеть там два лишних дня. На турбазе был даже бар с музыкой и горячительными напитками, так что те, кто был при деньгах, не очень скучали. На досуге я еще раз закинул удочку Наталье насчет "сбегать на Фишт" и зря. Я еще раз убедился, что Наталья непоколебима. Но хуже всего то, что и она еще раз убедилась, что я эту идею, несмотря на все предупреждения, из головы не выкинул.

Когда наладилась погода, мы продолжили путь. Из Гузерипля тропа повернула в сторону от реки и пошла круто вверх через лес. Несмотря на мой солидный опыт, подниматься по этой крутизне имея за плечами рюкзак килограмм в 25-30, было нелегко. В дождь по мокрой земле этот склон был бы пожалуй неприступен. Нам говорили, что в этих местах в 1941-42 годах проходили бои за Кавказ, и в лесу до сих пор находили проржавевшие экспонаты. Я попытался

представить: как же здесь воевали? Ведь кроме еды на себе надо было нести оружие, боеприпасы. Представить такой подъем еще и под огнем противника было невозможно.

Забрались на водораздел, и тропа стала не столь крутой. Через несколько часов пути добрались до поляны, где устроили бивуак с ночевкой. Вскоре подошла встречная группа, и они тоже поставили палатки. Вечерний костер с гитарой, с анекдотами получился очень оживленным. Высота уже сказывалась и, несмотря на прекрасную летнюю погоду, даже днем было прохладно. Погода в горах на все 100 процентов определяет успех или неуспех похода, а иногда - жизнь или смерть. Инструктор из встречной группы рассказал, что несколько лет назад на этом месте погибли два туриста. Они пошли побродить вокруг стоянки, когда внезапно налетело облако, повалил снег и продолжал валить весь день и всю ночь. В тумане бедолаги потеряли ориентировку, и сквозь ветер их крики никто не мог услышать. Они замерзли в нескольких сотнях метров от стоянки.

На следующее утро мы свернули бивуак и вышли в последний переход до стоянки под Фиштом. Тропа, следуя за водоразделом, виляла влево и вправо. Через два-три часа пути за очередным поворотом в прогале леса внезапно распахнулся потрясающий вид: на фоне густо-синего, почти фиолетового неба сиял белоснежный остроконечный пик. Это был он - Фишт.

В походной колонне я, как самый опытный из группы, с санкции Натальи, всегда занимал ответственное замыкающее место. Когда в поле зрения появился Фишт, он магнитом притянул и не отпускал мой взгляд, но мешали рюкзаки и головы впереди идущих. Еще через час пути, мы приблизились настолько, что пик стал доминировать над всем: над лесом, над рюкзаками и головами.

По мере приближения гора становилась все грандиозней. Как и на той фотографии, что висела в туркабинете, был виден снежный флаг, сдуваемый с вершины. По-видимому, несмотря на хорошую погоду, наверху дул сильный ветер. Пестрые скалы: серые, рыжие, черные в верхней части горы были припудрены снежком. С предвершинного плеча до самого леса у подножия горы, круто спускался ослепительно белый язык ледника. Внутренний голос надоедливо долдонил шаблонную фразу: "Ну и красив же, мерзавец!" Уже стали различимы все детали рельефа, и я цепким взглядом стал ощупывать почти отвесные стенки, кулуары, ребра и контрфорсы, выбирая наиболее рациональный путь подъема. Но вдруг, стоп - конец эйфории! Из заоблачных высот моя мысль вмиг вернулась на грешную землю, когда, споткнувшись о бугорок, я звонко поцеловал закопченную кастрюлю, заботливо привязанную под рюкзаком впереди идущего товарища. "Красота красотой, а под ноги смотреть не забывай", - сказал мне все тот же внутренний голос.

Все это время, начиная с турбазы, меня мучил вопрос: какой, из двух дней пребывания под Фиштом, выбрать для восхождения? С одной стороны, день второй вроде бы более подходящ, т.к. в день первый можно было бы незаметно от Натальи провести хоть небольшую разведку предстоящего пути. "Лезть на гору, не имея ни малейшего представления о том, где на нее можно, а где невозможно или опасно подниматься - это безрассудство", - нудно гнусавил внутренний голос. Конечно, мой опыт восхождений давал многое, но не все. Прежде, когда я шел на восхождение как участник группы, проблем с выбором пути не было - путь

указывал руководитель. Если же я шел руководителем, то до восхождения обязан был ознакомиться со схемой, фотографиями и описанием предстоящего маршрута и сдать тест начальнику спасотряда. Теперь же случай иной - у меня не было никакой предварительной информации. Единственная надежда - разведать что-то в 1-й день, чтоб не идти наобум во 2-й. "Да, - сказал внутренний голос, - пожалуй, день второй более подходящ".

Но с другой стороны, если провести операцию в день первый, т.е., как говорят вояки - сходу, то ей будет сопутствовать эффект внезапности, а это в любом деле, как правило, приносит победу. В противном случае, Наталья, зная о моем намерении, успеет предпринять меры, чтоб я никуда не улизнул, например, назначит меня дежурным "костратором" (так у туристов называется человек, ответственный за костер).

Около полудня мы оказались у подножия горы. Там была большая, рассчитанная на несколько групп, стационарная стоянка с оборудованными местами под костер и даже домиком для инструкторов. Все! Время на сомнения истекло, настала пора принимать решение. Сбросив рюкзак в общую кучу я, чтобы не попасться на глаза Наталье, резко рванул на шхельду (Шхельда - это красивейшая вершина Кавказа, а шхельдой туристы зовут отхожее место). Схоронившись в нужнике, глядя сквозь дверную щель, я убедился, что, слава Богу, Наталье было не до меня, она занималась организацией обеда, ночлега и т.д.

Упустить такой момент было бы грех! В голове еще бурлил рой сомнений, а ноги уже несли меня со стоянки вон. Внезапно, внутренний голос сказал: "Стоп, вернись! Раз идешь на снежную вершину, то вполне возможно встретишь там и лед. На льду без ледоруба делать нечего". Я знал, что на всю нашу группу имелся единственный ледоруб - у Натальи. Зачем он ей? Скорее всего, как и жезл для Рамзеса Второго, ледоруб для Натальи был символом власти. Мимолетной тенью я скользнул к инструкторскому домику. Дверь была приоткрыта, комната пуста, знакомый абалаковский рюкзак стоял на полу, а к нему был прислонен (о чудо!) - искомый инструмент. Молнией мелькнула мысль: ведь я сжигаю мосты. Наталья вмиг поймет, кто и зачем взял ледоруб: если Валерий не пошел с ледорубом на шхельду, значит, он пошел с ледорубом на Фишт. Но раздумывать было некогда, да и не было другого выхода.

"Око видит - зуб неймет" - в такой ситуации я оказался, улизнув из лагеря. Гора - вот она вся на виду, но перед нею лес и с трудом проходимые кусты. У меня не хватит времени, чтоб продрасться сквозь них. Ладно, пойду по тропе, которая идет слева от Фишта, она по-видимому, выведет меня на перевал, а там посмотрим. Действительно, минут через 15 полубегом я выскочил к Черкесскому перевалу. На камне была прикреплена мемориальная доска, а на ней что-то посвященное то ли взятию, то ли обороне перевала от немцев. Читать полустертые надписи было некогда, погода и время решали успех моей затеи. Далее тропа мне была не нужна, поскольку вела вниз в южное ущелье, и я ударил по водоразделу напрямик на Фишт. Конечно, все равно пришлось продирасться сквозь кусты, но, к счастью, на этой высоте вся растительность карликовая - не выше пояса.

И вот она грудь исполина - гора начиналась почти отвесной гладкой стеной. Нечего было и думать карабкаться по этому зеркалу без страховки. Когда стенка почти не имеет уступов, карманов, зацепов и даже трещин - альпинисты называют

ее зеркалом. Это в том смысле, что ты себя чувствуешь на ней примерно так же, как таракан на вертикальном зеркале. Под стеной я заметил тропу, едва различимую в густой траве, и двинулся по ней. Шел, шел, а драгоценное время тоже не стояло. Я почти смирился с мыслью, что операция сорвалась, ибо с этой стороны подъема явно нет, а с какой он есть - сегодня мне уже не найти. По инерции я продолжал идти под стеной, как вдруг увидел в ней узкую расщелину, круто уходящую вверх. Вздрыгнув, стрелка моего энтузиазма оторвалась от нуля. Я прилип к скале, вмазывая тело в расщелину.

В альплагере по скалолазанию мне всегда ставили отлично. Но тут был случай особый. В отличие от учебных скальных занятий, тут не было страховочной веревки, не было "того парня, кто стонал, но держал". Тут, не дай Бог сорвешься, - повторишь весь пройденный путь вспять, причем с ускорением. Первый вертикальный участок преодолел используя "каминную технику" (движение на распорах в противоположные стенки). Дальше дело пошло легче, но мешал болтавшийся на руке ледоруб. Понятно, что наверх из расщелины я вылез с мокрой спиной. Потом был очень крутой кулуар, хотя вполне хватало уступов и зацепок. Наконец путь стал настолько пологим, что стало возможным из четырех опорных конечностей от склона оторвать две. Конечно, крутизна была еще приличной, но камень отлично держал ботинки, и я бодро прибавил ходу.

Должен признаться, что в самом начале мой темп невольно тормозили сомнения: что у меня сегодня - восхождение или разведка? Если разведка, то надо бы не вверх переть, а искать спуск, ибо спуститься там, где я поднялся, без веревки невозможно. Если быстро найти спуск, то может быть еще не поздно вернуть на место ледоруб, может быть, Наталья еще не заметила пропажу? Нет, пожалуй, уже заметила, пожалуй, мосты уже сожжены, и надо двигаться вперед, только вперед!

Легко сказать - "вперед!" Я совершенно не был и не мог быть уверен, что доберусь до вершины, понятия не имел, сколько потребуется времени и что меня ожидает на этом совершенно неизвестном пути. Быть может, впереди такое же "зеркало", что встретило меня в самом начале. Конечно, без страховки я не полезу на стену. В принципе, если упрусь в стену, можно повернуть назад и поискать окольный путь. Но это все дорого обойдется по времени. Если темнота застанет меня на скалах, то придется остановиться и, не смыкая глаз, прокуковать до утра.

Но что мне эти сомнения?! Что мне они, когда в разгаре прекрасный летний день! Залитые солнцем сияют вершины и ледники на фоне сине-фиолетового неба. Стоит полная тишина, но кажется, что воздух звенит от прозрачности. Просто великолепно держат ботинки на крутом склоне! Кто был на скалах, тот знает, как приятен на ощупь шероховатый теплый гранит! Полно еще сил, лишь только начала раскручиваться "внутренняя пружина".

«Ну вот, исчезла дрожь в руках. Теперь - наверх!

Ну вот, сорвался в пропасть страх навек, навек.

Для остановки нет причин - иду скользя ...

И в мире нет таких вершин, что взять нельзя!

В. Высоцкий

"Дуй вверх!" - скомандывал внутренний глас и я "дунул" как мог! Лишь через час сделал первую остановку, отмерив по секундной стрелке 4 минуты, чтобы привести в норму дыхание и пульс. Было уже высоко, и я оглянулся на

панораму гор за спиной. Вид был действительно чарующий! Однако любованье панорамой решил оставить "на десерт", если таковой будет. Я знал: там, на высоте вид будет еще грандиознее.

Часа через два после начала этого жаркого марафона, я вдруг обратил внимание, что ландшафт, окружавший меня, был какой-то странный, не похожий на тот, к которому я привык на Тянь-Шане. Тут не было явно выраженных кулуаров и скальных ребер, ведущих к предвершинному гребню и далее к самой вершине. Вокруг меня как-то хаотично были разбросаны контрфорсы, составленные из жандармов всех калибров и сложностей. Жандармом в альпинизме называют, сравнительно небольшую скалу, напоминающую по форме сторожевую башню. Все это нагромождение скал располагалось внутри круто наклоненного каменного цирка, в котором царил полная тишина. Я бросил камень и звук был такой, какой был бы в большой пустой комнате. Внезапно опешив, я понял, что не знаю куда идти дальше. Вершина давно исчезла из поля зрения. Горизонт слева закрывало одно плечо скального массива, справа - другое, а там дальше виднелось и третье, четвертое и т.д. Все время, пока поднимался, я не отрывал глаз от склона перед собой, и не проследил, за каким плечом скрылась вершина. Что теперь делать? Если пойду не тем путем, то исправлять ошибку придется ценой потери как минимум часа драгоценного времени.

Оглядевшись, я сообразил, что, если забраться на высокий жандарм, отстоящий как можно дальше от моего вероятного пути, то, возможно, с него я увижу вершину и каким путем мне двигаться к ней дальше. Конечно, это тоже будет стоить мне потери времени и сил, но лучше этого решения я не нашел.

Траверсирую влево, все время поглядывая вверх – склон явно "простреливается" камнями. Вот и жандарм. Плавно, по-кошачьи, перебираю ступеньки, карманы, зацепки. Лезу... Вниз не смотрю, внушаю себе, что я на обычных скальных занятиях. Так и есть, все идет привычным порядком, лишь только не слышно привычного шуршанья страховочной веревки, выбираемой напарником. Истекло 15, нет, уже 20 минут истекло...где же макушка жандарма?! Наверно до нее осталось чуть-чуть. Я конечно, давно "в мыле". Что делать? Только одно – лезть! "Стоп! Убери руку с этого камня, он "живой" (так скалолазы называют камень, когда он шатается)!" "А тот справа? – тоже". Тык влево, вправо тык, шарю по скале то одной то другой рукой – бесполезно - тут все "живое"! Я просто оцепенел: вся "голова" жандарма раздолбана солнцем и ветрами. "Спуститься? Что толку? Опять встанет тот же вопрос: куда идти? Не то, что на вершину, даже на стоянку дорога неведома. Ну, была-небыла! Перекрестившись внутренне, берусь за "живой" камень. С проворностью ящерицы рванул вверх и ... дыханье остановилось, а камень пошел. Что-то оборвалось внутри, но все же успел перехватиться за, слава Богу, надежный зацеп. Внизу уже набирал силу мною запущенный камнепад. Еще один горячий рывок, и я на макушке жандарма!

Нет, саму вершину отсюда я не увидел, увидел лишь доминирующий массив, за которым, она, по-видимому, должна была скрываться. Этого мне было вполне достаточно. К счастью, с макушки открылся сравнительно безопасный спуск с жандарма и, потеряв на эту разведку в общей сложности минут 40-50 (слава Богу, не жизнь) я продолжил путь к заветной цели.

Итак, сомнения отброшены, путь ясен - вперед! Работая где двумя, а где всеми четырьмя опорами, я продолжал набирать высоту, стремясь наверстать упущенное время. Но организм не "перпетуум мобиле", и ресурсы начали иссякать, а скорость - падать. Отдохнуть бы и перекусить, но останавливаться нельзя - солнце уже давно на нисходящей траектории. Истекло три с лишним часа с начала гонки. "Вот вылезу на предвершинное плечо, с которого, как я видел еще снизу, начинается ледник, там и сделаю привал" - решил я. Напрягаясь, делаю последний 30-минутный штурм и вот я на плече у великана, а мой язык - тоже на плече. Все - баста! Сажусь на камень, объявляю аж 15-минутный привал.

До вершины, по сравнению с пройденным, остается "чистая чепуха", но ресурс на нуле. Надо восстановиться перед финишным рывком. В желудке со времен завтрака, съеденного в 7 утра, ничего не было. Нет, вру - еще в начале пути сжевал краюху хлеба, случайно завалившуюся в кармане штормовки. В другом кармане были припасены 4 карамельки, теперь им нет цены. Двумя карамельками "пообедал", а две оставшиеся сохранил как НЗ.

Теперь с полным правом, не спеша, можно было осмотреться вокруг, окинуть взором открывшуюся грандиозную панораму. Оказалось, что с седловины, на которой я остановился, начинается не один, а два ледника: Северный и Южный. Перевожу взгляд на дальний план. Горы, одни только горы - сколько хватает взгляда. Впечатление такое, будто все они и весь мир лежат внизу, а выше меня лишь небо и скальный гребень, ведущий к вершине. Как "правоверный мусульманин" с трепетом обращаю свой взор к востоку - там самая потрясающая картина: в небо уперлись бесчисленные зубья "пилы" Большого Кавказского хребта. Я знаю, что большинство из них имеют топографическую отметку 4 - 4,5 тысячи метров, но есть и выше 5 тысяч. Тем не менее, впечатление такое, что точка, где я стою, выше всех. Совсем иная картина на западе. Там тоже бесчисленные горы, но нет ни одной, покрытой снегом. Значит, действительно, Фишт - крайняя западная точка Большого Кавказа. Северный сектор панорамы скрыт от меня вершиной Фишта, а южное ущелье, в которое, мы должны были спуститься, если бы не обвалилась тропа, частично закрыто скальным массивом, ограничивающим седловину. Но я все равно вглядываюсь туда, пытаюсь уловить хоть слабый намек на морской горизонт. Но напрасно, моря не видно, оно теряется в размытой синеве. Как мне говорили знатоки: только в редкие дни, когда прозрачность воздуха очень высока, море с Фишта можно увидеть.

Опять перевожу взгляд на ближний план. Внизу по направлению стекания Северного ледника, как с самолета, просматривается часть поляны, где стоят наши палатки, даже инструкторский домик удалось разглядеть. Я сразу представил в нем Наталью и как ее достаточно круглое лицо превращается в овал, обнаружив исчезновение ледоруба.

Но прочь! Пошли прочь беспокойство, земные заботы и суета! Не то место, не тот момент! На седловине, где я остановился, царит полное безветрие, абсолютная вселенская тишина. Внизу никогда не бывает так много неба, как здесь. Внизу небо не бывает такого, как здесь, цвета. И тело мое и душа купались в теплых лучах вечернего солнца. Внизу оно вроде бы и светит не так. Где внизу ты увидишь столько сокровищ: бесконечные горные цепи с алмазными вкраплениями ледовых пиков, в ювелирном магазине?

Вот уже 4 часа, как я нахожусь в полном отрыве от людского мира. Конечно, внизу тоже нередко бываешь в одиночестве. Но здесь одиночество другое. Здесь ты, хотя и временно, но полностью оборвал связь с привычным миром, с людьми. Никто не знает где ты. И сам ты не знаешь наверняка - вернешься ли в тот мир опять. Мало ли какой суровый жандарм стережет впереди мой путь к вершине. А спуск? Хорошо известный в альпинизме факт: большинство ЧП происходит именно на спуске. Это и понятно: во-первых, спускаешься уставший, во-вторых, празднуешь в душе победу над вершиной и расслабляешься, теряешь внимание.

Но беспокойства по этому или какому еще поводу уже оставили меня. Все осталось внизу. Я как будто был погружен в сон - столь нереальной и безмятежной казалась обстановка вокруг. "Если на небесах есть рай, то, наверное, недалеко отсюда" - подумал я.

Этот философский настрой, наслаждение поднебесным покоем внезапно оборвал грохот у меня за спиной. По кулуару гремел камнепад. Отдельные камушки, размером с чемодан, самую малость не докатились до моих ног. Я обернулся, скользнул глазами вверх, откуда сыпались камни, и ... встретил взгляд. Поверх пары внимательных глаз торчали ... рога. Нет, это не был враг человечества. Это был обыкновенный горный козел архар - о четырех ногах, а не о двух, что окружали меня внизу. Он стоял на самом обрыве скалы, взирая на меня свысока, но не более двух секунд и, довольный содеянным, исчез меж скал.

"Пожалуй, это мне сигнал", - подумал я и посмотрел на часы. На седловине я потерял почти 20 минут вместо 15-ти себе обещанных. Дыхание было давно восстановлено, надо было спешить. Минут через 30 крутого подъема по камнеопасному кулуару я наконец оседлал острый скальный гребень, ведущий непосредственно к вершине. Заглянув по другую сторону гребня я стал держаться подальше от края - там был отвес метров 200-300 не меньше. И тут я заметил, что редкие остатки почвы между камнями были притоптаны - значит по гребню шла найденная тропа. Этого уже было достаточно, чтобы мое мироощущение резко изменилось: связь с человеческим миром была восстановлена. На душе стало явно спокойнее от мысли, что даже, если я здесь сверну себе шею, то меня найдут.

Еще сидя на седловине, я заметил в отдалении маленькое беленькое облачко на фоне совершенно чистого густой синевы неба. Откуда мне было знать, что этот небесный скиталец держит путь туда же, куда и я. Когда я влез на гребень, облачко превратилось в тучку, и его тень легла на мой путь. Сразу стало прохладно и пришлось надеть штормовку, обвязанную до сих пор вокруг пояса. Еще немного усилий - и я был на вершине. Но поздно! Тучка была уже там. Ну и стерва - лишила меня круговой панорамы! Какая там панорама - видимость 15 шагов.

Вершина представляла собой весьма ухабистую узкую площадку, вытянутую метров на 50-70. Блуждая в тумане между большими камнями, я набрел на совершенно неожиданный экспонат. На пирамидке из железных прутьев, какие бывают на скромных могилках, был установлен бюст В.И.Ленина. Бюст был высечен из камня и имел примерно натуральный размер, меж прутьев были воткнуты несколько букетиков высохших цветов. Ильич, слегка прищурившись, смотрел на меня в упор, как бы вопрошая: "Зачем изволил пожаловать, товаг'ищ?" Отвечать вождю мирового пролетариата я не стал, поскольку, давно выбыл из

комсомола по возрасту. Однако на секунду обожгла мысль: "если спущусь цел – отвечать придется!"

За спиной вождя я нашел то, что искал - сложенный из камней тур, а в нем консервную банку с запиской. В записке сообщалось, что группа из N туристов поднялась на вершину такого-то числа, погода была такая-то. Это восхождение они посвятили то ли Дню Советской Торговли, то-ли Дню Бульдозериста. Записку сую в карман: когда спущусь – могут наказать, но оспорить мое восхождение уже не смогут. Для гарантии (карандаш и блокнот всегда в штормовке) пишу свою записку: "я – такой-то, зашел на вершину тогда-то, погода была прекрасная, пока тучка не села на вершину и все испортила" А почему бы мне тоже не посвятить свое восхождение чему-то или кому-то? Немного подумав, пишу: "Посвящаю свое восхождение моей дочери Марине", в ту пору ей шел 8-й год.

Пока я карябал замерзшими руками записку, стало совсем холодно, посыпал снег, стал подниматься ветер. Надо было срочно убираться с вершины, пока совсем не околел. По альпинистской традиции, устраиваю пир из оставшихся двух карамелек. Теперь только вниз и давай только, Бог, ноги! Где - полубегом, где - прыжками сначала по гребню, потом по кулуару я скатился на ту седловину, где делал большой привал. И тут я столкнулся ... нет, вовсе не с козлом. Я столкнулся с необходимостью решить тот вопрос (вот тут-то он меня и настиг!), который отогнал от себя в начале подъема - каким путем спускаться?

Может быть, пойти по пути подъема? Среди вселенского хаоса скал запомнить свой путь я не мог. Если просто пойти примерно в ту сторону, то рано или поздно перед самым спуском на тропу окажешься перед обрывом. Спуститься по тому "зеркалу" так называемым дюльфером - дело 10 секунд, если есть веревка. Но где мне ее взять? Шнурки из ботинок выдернуть и надставить резинкой из трусов?

Альтернативный путь был очевиден, он так и манил за собой. Путь этот - гладкая лента ледника, спускающегося, как я видел еще снизу, почти к самой нашей стоянке. Это был кратчайший, но рискованный путь. Ледник был закрытого типа, т.е. лед был покрыт снегом, точнее - фирном (фирн - это слежавшийся очень плотный снег). Закрытый ледник подкупает подобием гладкой асфальтовой дороги. Но в этом его коварство. Снег может прикрывать трещину, провалившись в которую, если не разобьешься о ледовые перемычки внизу, то просто-напросто там замерзнешь. Даже имея ледоруб, выбраться наверх по вертикальным ледовым стенкам невозможно. Я вспомнил, как однажды на Тянь-Шане проткнул слой фирна, прикрывающего трещину в леднике. К счастью, я был в середине связки и товарищи меня удержали.

Опасаясь провалиться в скрытую трещину, я поначалу спускался по боковой морене или по самому краю ледника. Вскоре стало очевидно, что при такой скорости спуска мне засветло не спуститься. Будь что будет - рискну! Хватит идти пешком, надо ехать! И я решил "заложить глиссер" - скоростной спуск, напоминающий горнолыжный. Роль лыж здесь играют ботинки плюс еще одна точка опоры - штычок ледоруба, удерживаемый позади себя. Вот где великую службу сослужил мне Натальин ледоруб, почти бесполезный до этой минуты. Если б не он - ночевать бы мне на скалах. Вначале ледник спускался довольно полого, но чем дальше я продвигался, тем круче становился ледовый склон. Скорость

возросла настолько, что я просто не в состоянии был ее погасить. Пришлось передвигаться дугами - с морены на ледник и, набрав скорость, опять вырливал на морену, чтоб затормозить.

Одну из таких дуг я закончил кубарем: не сумев погасить скорость меня вынесло на камни морены и крутануло через голову. Ледоруб вырвался из рук и, болтаясь на петле у запястья, своим клювом едва не клюнул меня в глаз. Разбуженный кувырком, дремавший доселе внутренний голос (обращаясь, по-видимому, к моим ногам) пропел: "Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее!" Но я сказал ему: "Цыц! А вы, ребята, жмите! У нас осталось не более часа светлого времени." В конце концов я приловчился и, выбрав оптимальную скорость, стал стремительно терять высоту, аж в ушах заложило. Солнце давно перестало освещать мой путь, но мне не было холодно, наоборот я буквально взмок от пота (в который уже раз!), потому что глассер – это сильнейшее напряжение всех мышц.

Наконец я доехал до конца ледника в глубине небольшого лога. Из - под ледника вытекал ручеек. Я понял, что стою у истока реки Белой, той самой, которая, как я написал в самом начале рассказа, прорубила в скале глубокий каньон. На противоположном склоне лога, чуть повыше меня, я заметил тропу, вероятно, ведущую к нашей стоянке. Вот тут-то я и почувствовал, что окончательно обессилел. Съезжать глассером я еще был кое-как годен, но подняться по склону метров на 50, чтоб выйти на тропу - на это уже не было сил. В кустах я увидел ягоды смородины, и они дали мне хоть какое-то подкрепление.

Вдруг на тропе послышался цокот копыт. На всякий случай я нырнул в кусты. Проехал всадник с винтовкой за спиной. Я знал, что здесь территория заповедника, охраняемая вооруженными конными егерями. Уже смеркалось, и давно пора было вылезать на тропу и шагать в лагерь. На склоне лога я заметил незабудки и с устатку не смог сообразить ничего похитрее: - набрал букетик. Расчет был незатейлив: когда Наталья спросит "Где был?" - скажу, мол, цветки собирал, заблудился, и преподнесу ей букетик, чтоб не сильно серчала. Не успел я пройти по тропе и ста шагов, как остановился как вкопанный. На тропе стояла Наталья. Несмотря на сумерки, на ее лице я сумел разобрать нечто такое, что заставило меня обронить невинный букетик позади себя. Она конфисковала ледоруб и молвила: Вас ищут с егерями. Вы арестованы, следуйте за мной".

Уже совсем затемно мы пришли в лагерь. Арестованного Наталью сдала в оперативно собравшийся в домике совет инструкторов. Там было человек 5 горных асов. Я было попытался что-то соврать, но меня остановили, сказав, что запереться бесполезно, поскольку, в бинокль меня засекли еще на леднике. Но до того, не зная где меня искать, по тревоге подняли отделение егерей, и те прочесывали все тропы вокруг Фишта. Надо отдать должное старшему инструктору - прежде, чем пытаться, он распорядился, и меня хорошо накормили. Потом объявили приговор: путевку у меня отбирают, тем самым я лишаюсь недельного отдыха на Черноморском пляже и волен был ехать домой или на тот же пляж, но за свой счет. Еще обещали написать по месту работы. Правда, не удержались от любопытства и спросили: дошел ли я до вершины. Я хотел было достать записку с вершины, но вижу - поверили, и я оставил ее себе на память. Вообще я обратил внимание, что в "туртрибунале" со мной разговаривали строго, но как-то без злости. Видимо, тоже были рады, что турист вернулся с головой на плечах, и дело обошлось без

спасработ. Ну и, чисто по-человечески, они, как бывалые туристы, понимали, что такое зайти на Фишт за такое время и на одном только завтраке.

В общем, в кандалы меня не заковали, да и карцера в высокогорье нет, поэтому еще целых 3 дня, пока мы совершали дальнейший поход к приюту Цица и горе Оштен, я оставался равноправным членом группы. Лишь когда мы спустились к дороге, и нас автобусом отвезли на турбазу, вступили в действие санкции, наложенные на меня "ревтуртрибуналом". На следующий после возвращения на турбазу день ко мне приставили конвоира, чтобы сопровождать в Майкоп, где следовало бумажно оформить инцидент, выдать мне паспорт и отпустить на все четыре стороны, естественно, без путевки. Конвоиром оказался один из участников того трибунала - инструктор Леша. Эту миссию ему поручили потому, что в Майкопском управлении по туризму у него, помимо моего, было еще какое-то свое дело.

Леша был, как принято говорить, "нормальный" парень (иначе он не был бы инструктором по туризму), а никакой не конвоир. Пока мы ехали в поезде до Майкопа, он как-то по-дружески расспросил меня о деталях восхождения и о моем прошлом горном опыте. Когда мы зашли в Управление по туризму, Леша оставил меня в вестибюле подождать, сказав, что мое участие не требуется. Через некоторое время он вернулся и протянул мне паспорт и ... (я не поверил глазам!) - путевку, дающую право продолжить отдых в кемпинге в Дагомысе. Я не умею выражать восторг и просто пожал ему руку, а перед посадкой в поезд до Дагомыса, я успел заскочить в гастронорм. Мы прекрасно пообщались в плацкартном купе за бутылкой сухого. Леша сказал, что у них в каждый сезон остро не хватает инструкторов и пригласил приехать к ним в следующем году инструкторить. Я согласился, поскольку как альпинист-разрядник имел право водить группы горных туристов.

Вот и почти вся история. Остался хэппи-энд: 7 дней по путевке плюс 3 дня за свой счет (сколь позволял отпуск) я безмятежно валялся на пляжах Дагомыса, доставал рапаны с морского дна. Конечно, там тоже случились свои приключения, но к Фишту они отношения не имеют. Поэтому пора ставить точку. Но осталось еще одно "но".

Пожалуй, в качестве эпилога, попробую ответить на вопрос, который наверняка возник у читателя, чья нога никогда не касалась горной тропы. Вот этот вопрос: "стоило ли так рисковать?" Точнее: если сложить все "радости" этой авантюры, то стоят ли они того риска, который мог обернуться трагедией для самого и близких, неприятностями для инструктора? Мне трудно сказать что-либо в оправдание. Но это не означает, что я совершенно безрассудно, очертя голову "рванул ввысь". Может быть, у меня даже мысли не было о возможности плачевного исхода? Нет, я был в курсе... Еще в самый первый мой приезд в горы летом 1965 года в альплагере Талгар (под Алма-Атой) вследствие нарушения правил восхождения, со стены Караульчи-Тау сорвалась и разбилась четверка спортсменов. В тот раз и неоднократно впоследствии мне приходилось участвовать в спасработках, транспортируя в горах и живых и мертвых. Так, что я был вполне в курсе...

Извечный вопрос "Зачем люди ходят в горы?" до сих пор вразумительно не отвечен. В самом деле – зачем? "И нет там ничего, ни золота, ни руд. И только-то

всего, что гребень слишком крут!" Тема считается неисчерпаемой. Тем не менее, тот же Владимир Семенович сумел блестяще ее закрыть: "Так оставьте ненужные споры. Я себе уже все доказал – лучше гор могут быть только горы, на которых еще не бывал!"

Я тоже "себе уже все доказал", но читателю хочу пояснить свои личные мотивы. Во-первых, относительно риска. Риск существует не только в горах, но и (что особенно очевидно стало в последнее время) в городской толпе, в офисе, на диване дома. Риск всегда сопутствует жизни, не рискует только мертвец. "Конечно", - скажете вы – "риск риску рознь". Да, это так. Но в данном конкретном случае, я изначально посчитал, что риск невелик, по крайней мере, не больше, чем у тех пацанов, что прыгали со скалы в каньон. Так оно и было, пожалуй, за исключением одного эпизода - подъема на жандарм. Там действительно пришлось пойти на риск - поджимало время, не хотелось встретить темноту на скалах.

Во-вторых, дорогой читатель, Вы когда-нибудь бывали в горах? Что? Видели горы из самолета? Из фуникулера? Может случалось подниматься на канатном подъемнике? Если нет, то Вас, вероятно, не затронут картины Рериха. Тем более, я не берусь словесно передать красоту гор. Да, это было бы и неискренне с моей стороны, поскольку, на Фишт я пошел не за красотами горного пейзажа. Пейзажей я насмотрелся на Тянь-Шане, там я поднимался гораздо выше и панорамы были грандиознее. Мотив был другой.

Незабываемое своеобразие этого восхождения для меня в том, что я сделал его в одиночку, рассчитывая только на себя. С одной стороны, особенно в начале, щекотала нервы сама ситуация: полная неопределенность, полная свобода выбора цели и пути, полная оторванность от людей - и не только от их контроля, но и, случись что - от их помощи. Сломай я только ногу и вряд ли меня нашли бы там когда-нибудь. Но я очень верил в свои силы. Верил, что их хватит дойти до вершины и вернуться.

С другой стороны, там, на предвершинном плече ... "остановилось время!" Бесследно исчезли, растворились в первозданной тишине, скатились в пропасть последние следы какого-либо беспокойства. Я испытал там такой глубокий покой и одухотворенность, что не хочу даже пытаться выразить это словами. Могу лишь предположить, что там, на высоте, в отсутствие привычных "шумов" жизни, стал более различим тонкий контакт с тем миром, где, если верить учениям, царит полная гармония.

*И пусть пройдет немалый срок, мне не забыть
Как здесь сомнения я смог в себе убить.
В тот день шептала мне вода: "Удач - всегда!"
А день, какой был день тогда! Ах, да - среда.
Владимир Высоцкий*

Чикаго, май 2002 г.